

ИСТОРИЯ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

HISTORY IN PUBLIC SPACE: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

V. Davydov

Summary. The article attempts to analyse the peculiarities of the perception of history in public space and the consequences of random or purposefully generated modifications of historical facts arising from such perception, as well as to determine the further direction of the development of such a phenomenon as public history.

By entering a broad public space, scientific historical knowledge, like any other information, is able to undergo certain distortions in it, up to the point that individual historical facts can be reborn in contrast, eliminated at all, or replaced by new, completely mythical representations.

Oddly enough, the development of information technologies and ubiquitous digitalization, which provide almost unhindered access to information, including digitized original sources of historical knowledge, scientific works of historians and other artifacts and documents, not only did not reduce the degree of distortion of the perception of historical facts in public space, but on the contrary — strengthened it, and even became a tool of deliberate modification of historical knowledge.

Keywords: public history, theory, history, knowledge, digital society and modification of data, distortion of facts, perception of historical facts.

Давыдов Вячеслав Александрович

К.ф.н., доцент, ГОУ ВО МО «Государственный
социально-гуманитарный университет»
va.davydov@bk.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа особенностей восприятия истории в публичном пространстве и последствий возникающих при таком восприятии случайных, или целенаправленно генерируемых модификаций исторических фактов, а также предпринята попытка определить дальнейшее направление развития такого феномена как публичная история.

Попадая в широкое публичное пространство, научные исторические знания, как и любая другая информация, способны претерпевать в нем определенные искажения, вплоть до того, что отдельные исторические факты могут перерождаться в свою противоположность, устраняться вовсе, или замещаться новыми, совершенно мифическими представлениями.

Как ни странно, развитие информационных технологий и вездесущая цифровизация, обеспечивающие практически беспрепятственный доступ к информации, в т.ч. к оцифрованным первоисточникам исторических знаний, научным трудам историков и другим артефактам и документам, не только не снизили степень искаженности восприятия исторических фактов в публичном пространстве, а наоборот — усилили ее, и даже стали инструментом намеренной модификации исторических знаний.

Ключевые слова: публичная история, теория, история, знания, цифровое общество и модификация данных, искажение фактов, восприятие исторических фактов.

Предмет истории связан с установлением и анализом множества имевших место в прошлом событий и их соотношения с определенными временными отрезками и территориями, в целях формирования максимально точной картины прошлого, которая позволяла бы лучше понимать причины событий современности и учитывать совершенные ранее ошибки. Таким образом, история — это один из ключевых факторов, на которых во многом базируются восприятие социумом текущей действительности, а значит и причины возникновения общественного мнения.

Иными словами, от того, какими видятся в обществе те или иные факты исторического прошлого, во многом зависит и то, как будут этим обществом восприниматься события настоящего. Соответственно, тот, кто владеет рычагами трактовки доминирующей в обществе точки зрения на исторические события, тот во многом способен влиять и на общественное мнение в настоящем.

Например, во взаимоотношениях России и Польши на протяжении веков имели место как положительные, так и отрицательные моменты взаимодействия. Польша, будучи одним из ведущих восточноевропейских государств XVI века, в начале XVII потерпела поражение своей попытки аннексировать московские земли, а позже и сама оказалась под властью Российского государства. Не смотря и на то, что в составе Российской империи Польша пользовалась самой широкой автономией, а ее национальная элита была включена в правящий класс Российского государства, не взирая на тот факт, что по итогам II Мировой войны, именно благодаря СССР Польша получила часть немецких земель, разрешив тем самым свои многовековые территориальные споры с Германией, во внутреннем публичном пространстве Польши Россия воспринимается скорее как опасный сосед, чем потенциальный союзник — именно благодаря тому, что сфера публичной истории в данной стране долгое время претерпевала воздействия со стороны сил, ориентированных на компенсацию исторических

комплексов неудавшегося проекта великопольского государства от Балтийского до Черного моря, главным препятствием в реализации которого оказалась Россия.

Изначально, еще в античные времена, история как наука представляла собой инструмент, направленный против забвения, фиксирующий события и их хронологию, а значит, понятие истории на том этапе сложно отделить от понятия памяти; однако со временем историческая наука стала использоваться и как средство укрепления легитимности правящих династий и сложившихся государственных институтов. Иначе говоря, власть с помощью исторической политики стала задавать форму историографии, которая начала описывать прошлое, создавая исторические нарративы [1]. Значимость истории как науки для социума заключается в первую очередь в формировании самоидентификации людей, скрепляющей соответствующее сообщество, а основные задачи истории можно свести следующему:

1. формирование идентичности, через переживание исторически-значимых событий, формирующих в общественном сознании систему идентичности «свой-чужой»;
2. продвижение патриотизма через создание и поддержание образов национальных героев и антигероев;
3. включение в качестве составляющей в досуговую сферу, поскольку значительное количество развлекательного контента в т.ч. компьютерные игры, документальные и художественные фильмы, так или иначе базируются на общепринятых исторических фактах и познаниях. [2].

При этом необходимо понимать, что официализированная история может оказывать на социум и зловерное влияние, разрушая его в результате внедрения официально признанных негативных фактов, в независимости от их достоверности.

Таким образом, наличие развитой исторической науки в том или ином государстве, еще не гарантирует формирование адекватной исторической картины у большинства населения соответствующей страны, поскольку одна из основных проблем, которые сейчас стоят перед исторической наукой — это вопрос ее понятности и привлекательности для широкой аудитории [3].

Иными словами, не достаточно иметь хорошо развитую историческую науку как институт и точную, документально подтвержденную картину событий, имевших место в прошлом. Необходимы так же и инструменты популяризации исторических знаний среди широких слоев населения, т.е. необходимо еще и уделять внимание самому существованию истории как науке в публичном пространстве.

В данной связи обращает на себя внимание такой феномен, как публичная история, заключающая в себя совокупность различных практик, направленных на перевод исторического знания с академического языка на язык публичного восприятия, и на представление научных исторических знаний в формах, предназначенных для широкой публики, в т.ч. через искусство, музеи, кинематограф, научно-популярный контент и др., т.е. основной функцией публичной истории является трансляция в массы академических знаний доступным и понятным языком.

Естественно, что сама история в публичном пространстве, так или иначе существует довольно давно, однако профессионализация данного направления началась только в середине семидесятых годов XX века сначала в Соединенных Штатах и Канаде, после чего была подхвачена в Англии и Австралии; т.е. можно констатировать, что как дисциплина публичная история впервые была взята на вооружение в англо-саксонских странах.

В условиях повсеместной цифровизации современного общества, и повышения доступности информации, в т.ч. исторической, инструмент публичной истории оказался как никогда востребованным, поскольку как раз свободный доступ к первоисточникам исторических знаний большого количества пользователей, большинство из которых не обладают профессиональными знаниями в данной сфере, наряду с таким же доступом к развлекательному контенту и свободный обмен информацией между пользователями, способны породить огромное количество недостоверностей и заблуждений, проявляющихся в самых разных формах, начиная от фантастических теорий «альтернативной истории», и заканчивая модификацией исторических фактов в общественном сознании, и искажением исторической памяти, что как было отмечено, оказывает воздействие на восприятие обществом объективной реальности в настоящем.

Например, на научном канале демонстрируется историко-документальный фильм, повествующий о событиях I века в Римской Империи. В деталях воссозданы, костюмы, интерьеры и быт античного мира, а излагаемые события ни чем не отличаются от официальной историографии. Но в одной из сцен стена термополия — древнеримского аналога современного кафе, украшена огромной связкой стручков острого красного перца (*Capiscum annuum*), а в овощной лавке, среди прочего товара представлены крупноплодные и мускатные тыквы (*Cucurbita maxima* и *Cucurbita moschata*), хотя в Европу все три перечисленных растения никак не могли попасть ранее чем через полторы тысячи лет, после отображаемых в фильме событий.

Безусловно данный пример сложно назвать значимым искажением истории, но по тому же сценарию

в общественное сознание способны внедрятся более опасные мифологемы, при этом с уверенностью можно констатировать, что процессы эти далеко не всегда носят случайный характер.

В качестве примера здесь можно привести фильм «Бункер» («Der Untergang») немецкого режиссёра Оливера Хиршбигеля, снятый в 2004 году на основе воспоминаний Траудль Юнге — личного секретаря А. Гитлера. В данном художественном фильме также в мельчайших подробностях воссозданы исторические события и обстановка последних дней гитлеровской верхушки перед взятием Берлина Советскими войсками, но в конце фильма, сама Красная армия представлена в виде толпы, больше напоминающей варваров, захвативших Рим. Соответствующие представления фильм и транслирует исподволь в головы своих зрителей.

Необходимо понимать, что не только художественные фильмы и научно-популярный контент могут относиться к инструментам публичной истории — сюда же стоит отнести интервью и публичные выступления политиков и общественных деятелей, если они связаны с трансляцией исторических фактов или посвящены значимым событиям прошлого. Особое внимание стоит обратить, на то, что намеренные искажения исторических фактов в публичном пространстве могут носить явно целенаправленный, комплексный характер, причем в отдельных случаях можно отчетливо проследить раскрытие окон Овертона. Яркий пример здесь представляет собой освобождение Освенцима, в отношении которого четко прослеживается цепочка, начавшаяся с заявления 44-го президента США Б. Обамы, о том, что его дедушка якобы освобождал данный концлагерь, что не может быть правдой, если только дедушка бывшего американского президента не служил в Красной армии, однако сама мифологема в головы аудитории по всему миру была заложена, т.к. общеизвестно, что американские

войска освобождали фашистские концлагеря в Европе, но какие конкретно — знают далеко не все. Затем, ряд открытых цифровых источников информации начинают удалять со своих страниц фотоматериалы, свидетельствующие об операции советских войск по освобождению Освенцима. А потом власти Польши не приглашают на 75-ю годовщину освобождения Освенцима Президента страны, освободившей и Польшу, и Освенцим. В итоге в общественном сознании советские освободители Освенцима замещаются на американских.

Анализ имеющихся фактов позволяет сделать вывод, что презентация исторической науки в публичной сфере, сегодня от части превращено в один из инструментов «мягкой силы» направленной на комплексное продвижение интересов отдельных государств. В ближайшей перспективе стоит ожидать усиления использования публичной истории в данном направлении, т.к. данные методы уже показали свою эффективность, при этом ресурсы и возможности цифровизованного общества, скорее всего будут использованы не столько для популяризации истории, сколько для формирования в массовом сознании заданной, строго откорректированной картины прошлого. Поскольку очевидно, что публичная история довольно эффективно применяется рядом развитых государств для обеспечения своего положительного имиджа, в том числе и за счет ущемления имиджа России, сфера публичной истории в нашей стране так же не должна оставаться без внимания. Популяризация и продвижение как среди внутрироссийской, так и среди внешней аудитории адекватной исторической информации касаемой России, подкрепленной фактами, документами и иными доказательствами, логически излагаемой с опорой на причинно-следственные связи исторических событий, безусловно будут способствовать не только сохранению исторической памяти и адекватному восприятию событий прошлого, но и продвижению естественных интересов российского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаев Е. М. Публичная история в России: научный и учебный контекст формирования нового междисциплинарного поля // Вестник Пермского университета — 2016. — № 2 (33). — С. 7–12.
2. Давыдов В.А. «Public history» и проблемы репрезентаций исторического прошлого в современной медиа-публицистике // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека -Сборник научных статей и материалов международной конференции. Под общей редакцией Р.В. Ершовой — 2016. — С. 94–98.
3. Шевелева А. П. История: академическая, популярная, публичная // НЭЖ «Артикульт» — 2013.-№ 11 (3–2013). — С. 4–8.

© Давыдов Вячеслав Александрович (va.davydov@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»